

МИХАИЛ ТУРБИН

КРУШИТ МОСКВА ТРАДИЦИИ

*Дух великой страны нездоров,
Грозное грядущее близится...
Влита в жизнь, как в стакан, до краев
Не вино для души, а бессмыслица.*

*Чуда разум желает давно,
Но печальные слышатся вздохи.
"Скоро ляжет Россия на дно
Атлантидой", – кричат пустобрехи.*

*Разрази вас, бесстыжие, гром!
Растревожили душу до зуда...
Выживаем. Бодримся. Живем.
В этом есть настоящее чудо.*

В СВОБОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Дурных вестей не перечесть.
Исчезли напроць в душах донья.
Не сохраняем то, что есть,
Теряем разумом вороньем.*

*"Нужна свобода!" – молят губы.
"Во всем расчет", – горят глаза.
Почти не думаем, к чему бы
Расшнуровала нас шиза.*

*Смелей журчит телеклоака,
Несет густой зловонный слой.*

*Разносит пошлости со вкусом
Жрецов мамоны мировой.*

*Скажи, что это ерунда,
За нами нравственная сила!
Эпоха честного труда
В борьбе позиции сменила.*

*Я промолчу, поскольку не Фома,
Но знаю, что минувшая эпоха
Кровавый след оставила сама
В пространстве сатаны и Бога.*

*Свобода вышла вон из кухни,
Смелей идет, не зная стопа.
Якут гостит у эфиопа,
А мир безрадостный – хоть ружни!*

*Свобода есть, да мало воли
Заключено внутри субъекта.
И если миром правит Некто,
То этот Некто явно болен.*

*Плывет дерьмо по чистым рекам,
А следом рыба кверху брюхом...
Субъект не станет человеком,
Пока он не окрепнет духом.*

Презренна власть зарвавшейся элиты,
Ужасна месть крестьянских вил.
Я мысленно собрал всех бессердечно сытых
В один мешок и утопил.

И загрузил по-настоящему, без фальши,
Нет, нет, не из-за жалости, поверь:
Боюсь, что время бумерангом, как и раньше,
Вернется с восполнением потерь.

ОСВИРЕПЕВШАЯ СТИХИЯ

Трещит корабль с названием "РОССИЯ",
Готовый развалиться на куски.
Бушует либеральная стихия
В беззвездном море мировой тоски.

Ушли плутать без русских россияне,
Разъела все невыносимо ржа.
В такой стихии долго не протянет
Большой корабль, лишенный крепежа.

ЧЕРНАЯ ПУРГА

Поймать мечтали в небе журавля –
Тепло в руках оставила синица.
Жить или не жить среди жулья
Или честнее вовсе не родиться?

Кто даст ответ и правильно совет,
Тот молодец, с него не будет спроса.
Один сказал: – Не разевайте рот,
Не то страну утянут из-под носа!

Потери восполнятся – вера дорога.
Дрожит во тьме лишь огонек лучины,
Гуляет по планете черная пурга,
И расширяется свобода чертовщины.

В такую непогоду нерожденных жаль,
В утробах матерей согнувшихся заранее.
Все тот же легион в атаках на мораль
Спешит проверить прочность мироздания.

МОСКВА И МЫ

Крушит Москва традиции,
Беснуется нередко,
А мы в своей провинции
Чтим неизменно предков.

Глядит на нас, бесстыжая,
И врет, как сивый мерин,

Но мы к земле поближе
И меньше лицемерим.

Крупней в Москве мошенники,
Не говоря о хамах...
У нас добрей священники
И больше света в храмах.

Хотя живем безденежно,
Хватает еще сил
Оградки ставить бережно
Вокруг родных могил.

Лавочка дворовая и таксомотор.
Придыханье. Шепот. С укоризной взор.

Нравственность округи и семейный лад
Бабки посиделочные добровольно бдят.

– Жизни на щепотку! – бросишь сгоряча.
Ну а лобопытства на безмерный чан...

Обо всех все знают – глаз настоroje.
В доме семь подъездов, девять этажей.

Ценит участковый бескорыстный труд –
Без подхода бабки справок не дают.

НА КРАЮ ДЕРЕВНИ

На краю деревни, сбоку на припекке,
На макушке елки виден хвост сойки.

Чуткое создание. Несмотря, что тихо,
Кажется, вещунья поджидает лихо.

Я иду устало с тяжестью поклажи.
Чем не сторожсика? – ничего не скажешь...

Вот сосну сухую дятел потревожил, –
Будто и не слышит – все одно и то же.

Мол, стучи, работай, до тебя нет дела.
И сидит на солнышке, как окаменела.

Понесла водицу бабка от колодца –
Видеть не желает – хвост не шевельнется.

Но как встрепенулась при моем подходе!
И застрекотала – обругала вроде.

Дятла дробь стучала, доносилось эхо.
Чем же я союзе лихо и помеха?

А поверье требует повернуть обратно.
Что ж я, хуже бабки и того же дятла?

*Я иду с грибами в город от деревни.
Мне вещунья эта в общем-то до фени.*

*Веселей шагаю вниз по изволоку.
Забываю дятла, бабку и сороку.*

КОГДА-НИБУДЬ

*Кислотные дожди, дымь горячей дряни...
Не продохнуть ни мошке, ни слону.
Когда-нибудь беспечные земляне
Замусорят вот так же и Луну.*

*Растут потребности прожорливого тела.
Слабеют язычки духовного огня.
– Мир красота спасет! – ужасно надоела
Неимоверной силы болтовня.*

*Влетела истина, да в лживые уста.
Когда-нибудь дойдет до остолопа,
Что в мире существует красота
Для совершенства духа, а не трена.*

*И создавать придется мир иной,
Незамутненный – как большое сердце...
Когда-нибудь под мусорной луной
Влюбленным будет трудно засидеться.*

СЕЛО ГОРЕЛОЕ

*Здесь хлебосольный помещик
Жил от столицы вдали.
Умер. Разграбили вещи...
Вскоре усадьбу сожгли.*

*С давних времен и донныне
Гарью пропахло село –
Кончилось время палыни,
Да в лебеду потекло...*

*Вот уже фермер не местный
Голову сунул в хомут.
Много словечек неместных
Вслед полетело ему:*

*“С этим ужиться – что маяться.
Тащит к себе все подряд.
Правильно то, что не пьяница, –
Он нам не кум и не сват.*

*Хапнул колхозной земельки,
Денег – карманы полны.
Скажешь – он вылупит зенки,
Словно свалился с луны.*

*Хуже злодея отпетого
Нам он – как в ж.. изгла!..”
Не удивлюсь, если этого
Фермера спалят дотла.*

“РУССКИЙ КРЕСТ”

*В храме поют аллилуйю,
Ходят вокруг аналая...
Русских в минуту такую
С криком рождается трое.*

*Четверо свет покидают
Тихо в такую минуту.
Линия жизни кривая
Свет душевную смуту.*

*Гасит свечу золотую,
К свету пробравшись, фроньфа...
Что же, печальная мира,
Ты не поешь аллилуйю?*

НА БЕРЕГУ

*Тоска прибрежного песка.
Твои словечки...
Дождался камешек броска
На середину речки.*

*Пошел на сумрачное дно,
Покинув сушу.
А ты мне, броская, давно
Запала в душу.*

*Тебе чужое невдомек,
Но время зрело...
Так перешло оно в песок
И затвердело.*

*Я находил к тебе слова
На все словечки.
Спускалась с неба синева
Купаться в речке.*

*Была не речка, а река!
Какая жалость:
Пошли сплошные облака,
И откупалась.*

*Без синевы гроза близка.
Прошла бы мимо –
Тоска прибрежного песка
Невыносима.*